

Глава 26. Есть по приказу

Казалось, воздух на миг застыл.

Радужный торговец, оглушённый криками зазывал и шумом проходящих мимо людей, растерянно смотрел то на крохотную белую собачку на столе, то на двух молодых культиваторов, один из которых сидел, а другой стоял рядом, и нерешительно переспросил:

— Простите... а кто именно будет есть?

Неужели ему послышалось?

Когда хозяин лавки спросил во второй раз, Цзян Тан, тот самый «один человек», уже начал чувствовать себя немного неловко. Вообще-то он вовсе не настаивал на том, чтобы есть именно за столом. В крайнем случае можно было взять еду с собой, найти постоянный двор и спокойно поесть там. Под столькими взглядами посреди улицы ему всё же было слегка не по себе.

Но Фу Линцзюнь, как и подобает великому злодею, явно не умел смущаться. И уж тем более не собирался обращать внимание на чужие взгляды. Вернее, он попросту игнорировал чувства всех вокруг и смотрел только на то, чего хотел сам и с чем был согласен сам.

Поэтому под немного ошарашенным и беспомощным взглядом торговца он протянул руку, почесал белую собачку под подбородком и совершенно естественно сказал:

— Она. И ей нужно мясо.

То ли наглость и правда была заразной, то ли дело было в самом тоне Фу Линцзюня, но после этих слов Цзян Тан сразу почувствовал себя увереннее. Маленькая белая собачка встала на столе с таким видом, будто ей весь мир должен, и от неё так и веяло духом «собаки под покровительством могущественного хозяина». Пока не смущаешься сам, неловко будет только остальным.

И вот, столкнувшись с двумя с виду вполне приличными культиваторами и одной совершенно по-собачьи выглядящей белой собачкой, причём есть собиралась только эта самая собачка, торговец окончательно растерялся.

— Т-тогда что будете заказывать? У меня тут много чего есть.

Хотя с виду лавка была самой обыкновенной, выбор блюд у него оказался на удивление большим. Цзян Тан посмотрел на длинную цепочку деревянных табличек, развешанных у тележки. Их было никак не меньше трёх-четырёх десятков.

Часть табличек была новой. Дерево у них было светлее, чем у старых, чернила гуще, а названия блюд звучали очень уж по-культуривационному: вроде жареной Ледяноокой змеи, супа из птицы Ядовитых нитей из Мрачных пределов или жаркого из кусочков Серебrolунного Кролика.

Были и старые, почти облезлые таблички с более приземлёнными блюдами: вонтоны в чистом бульоне, свинина по-красному, жареная курица и прочая вечная классика.

Пользуясь тем, что как благой зверь он обладал необычайно острыми чувствами, Цзян Тан издали вдоволь изучил все блюда. И правда, здесь было всё: жареное, тушёное, варёное, томлёное, на пару, в масле.

Выбор был богаче, чем в некоторых настоящих трактирах.

— Ёу-у, — радостная белая собачка после внимательного знакомства с меню осторожно выбрала два блюда: свинину по-красному и рульку в соусе.

А затем услышала слегка равнодушный голос Фу Линцзюня:

— Ей всё.

Цзян Тан: «...»

Нет, подождите. Вы только посмотрите на мой размер. По-вашему, я похож на собаку, которая способна съесть столько? Великий господин, вы что, свинью откармливаете?

Председатель общества любителей гладить мелких зверьков, он же Сян Син, он же официальный переводчик Цзян Тана, явно не выдержал. За всё это время он насмотрелся, как ест Сяо Бай, и отлично представлял себе его аппетит. Он уже собирался сказать, что тот столько не съест, но разговорчивый торговец опередил его.

Натянуто улыбаясь, он с трудом выдавил:

— Даосский друг, блюд из демонических зверей у меня обычно готовится немного. Если хотите именно их, надо заказывать заранее. Мне ещё нужно добыть ингредиенты. Я не то чтобы не хочу готовить, просто сейчас их и правда нет...

Он ещё говорил, когда увидел, как неприметный на вид культиватор в чёрном, одетый совсем просто, достал с пояса жемчужину Нахай.

У торговца тут же загорелись глаза.

Жемчужина Нахай сама по себе означала деньги. А если есть деньги, то что он не сможет достать?

И тут он увидел, как культиватор в чёрном положил на стол кристалл предельного огня. Прозрачный, чистый, с мягко мерцающим внутри огненным светом.

Такой кристалл высшего качества, окажись он в павильоне Шаньхай, мог уйти на торгах за десять тысяч духовных камней, а то и дороже. Что это за расточительный отпрыск такой семьи, который швыряется подобными вещами без всякой жалости?

У торговца глаза чуть не вывалились. Он тут же обеими руками накрыл кристалл, и его голос от волнения задрожал:

— Д-даосский друг, подождите немного! Не позже чем через полчаса все блюда будут у вас на столе!

С этими словами он первым делом выставил несколько уже готовых мясных закусок, после чего вихрем умчался прочь и исчез в людском потоке.

Цзян «размером с ладонь, съедающий за раз максимум три красных плода» Тан, глядя на целую гору мяса на столе, вдруг почувствовал, как у него дрожат лапы.

Фу Линцзюнь никогда никого не растил и, разумеется, о таких вещах не задумывался. С бесстрастным лицом он подвинул к Цзян Тану тарелку с тонко нарезанной тушёной говядиной:

— Ешь. Всё это твоё.

Ну и скажите, разве это вообще можно назвать человеческой речью?

Цзян Тан едва не устроил ему прямо на месте показательное собачье нападение с царапаньем, но, надо признать, мясо в этой лавке пахло просто потрясающе. Намного лучше, чем у других.

Он подтащил к себе ломтик говядины и принялся маленькими кусочками его грызть. Зубы у него не были острыми, но мясо так хорошо протомилось в соусе, что жевалось легко. Стоило только куснуть, как во рту сразу смешивались соус и мясной сок. Это был тот самый вкус настоящей человеческой еды, по которому он безумно скучал. Солёный, густой, с ароматом пряного маринада. После первого же кусочка хотелось ещё.

Цзян Тан уже больше месяца сидел на одних красных плодах, и теперь, попробовав по-настоящему вкусное мясо, едва не расплакался от счастья. Теперь ему уже и в голову не приходило жаловаться, что Фу Линцзюнь заказал слишком много. Напротив, он даже слегка возгордился своей благосклонностью и захотел, чтобы тот оторвал ему куриную ножку.

— Хочешь это? — спросил Фу Линцзюнь, указывая на блестящую от масла ножку жареной курицы.

— Ыу-у-у!

Да-да, именно это! Небеса, Фу Линцзюнь впервые правильно понял его! Разве это не огромный шаг вперёд в их общении?

Цзян Тан, уже успевший пройти школу современного офисного ада, прекрасно знал: если хочешь, чтобы человек помог тебе, сначала нужно погладить его по шерсти в переносном смысле. Поэтому он тут же радостно подполз, потёрся о руку Фу Линцзюня и всем видом показал: молодец, всё правильно понял, продолжай в том же духе.

Фу Линцзюнь уже давно не чувствовал, как его касается что-то пушистое.

И теперь ему вдруг показалось, будто в душе его тоже кто-то мягко царапнул пушистой лапкой.

Мягкое прикосновение было то рядом, то исчезало. И когда он хотел было поймать эту мягкость рукой, комочек шерсти уже переместился к куриной ножке и смотрел на него огромными виноградинами глаз.

Сохраняя бесстрастное лицо, он оторвал куриную ножку и положил её на тарелку перед Цзян Таном.

Цзян Тан ни разу не видел, чтобы Фу Линцзюнь ел.

Он, конечно, понимал, что в мире культивации великие мастера обычно давно отказались от пищи и это совершенно нормально. Но перед ним стоял целый стол отличных блюд, а есть должен был он один, в то время как Фу Линцзюнь и Сян Син просто смотрели. От этого было как-то неловко.

— Ыу-у-у.

Господин, может, и вы тоже поедите?

Фу Линцзюнь, только что получивший свою награду от пушистого комочка, в этот миг уже жаждал второй.

— Ты хочешь, чтобы я ел вместе с тобой? — предположил он.

Цзян Тан был так поражён стремительным прогрессом великого злодея, что едва не подскочил

на месте. Он яростно закивал и лапкой указал на нетронутое мясо на столе:

— Ыу-у-у.

Поешьте хоть немного вместе со мной. Иначе всё это просто пропадёт.

Но даже поняв его просьбу, великий господин вовсе не собирался её выполнять. На своей ничем не примечательной нынешней физиономии Фу Линцзюнь умудрился изобразить выражение «я тут самый великий на свете» и произнёс:

— После прорыва на ступень мастера Дао такие вещи уже не нужны. От обычной еды одни примеси. Никакой пользы.

Ну конечно. Рассуждает так торжественно, будто сам в это верит.

Цзян Тан ведь видел воспоминания Фу Линцзюня. Тот был врождённым высшим гением и с самого рождения впитывал духовную энергию неба и земли, потому стал мастером Дао почти сразу. Если верить его словам, мастера Дао не нуждаются в еде. Тогда почему в стольких увиденных Цзян Таном картинах маленький Фу Линцзюнь всё время просил то одно, то другое, приставал к родителям, чтобы ему купили сладкие пирожки, был избалованным и прилипчивым?

При этой мысли у Цзян Тана почему-то сжалось сердце.

Если человек никогда не знал ничего хорошего и с самого рождения жил только во тьме и боли, возможно, он и впрямь мог бы смириться со страданием. Но самое жестокое на свете — не лишать того, кто и так ничего не имел, а отнять то хорошее, что у него уже было. Тем более если уничтожил ты это собственными руками.

Впрочем, укол этой жалости быстро исчез.

Фу Линцзюнь был великим демоном, прожившим тысячи лет. В глубине его души давно уже торчали одни сплошные шипы и жажда нападать. Ему не нужно было ничьё сострадание. Ему было нужно только, чтобы его боялись, чтобы из-за него не могли спать по ночам.

Прошлое не вернуть.

Ему нужна была месть.

А сам Цзян Тан был всего лишь бесполезной белой собачкой, которая ничего не умела и только каждый день думала о еде. Он прекрасно понимал, что сделать для Фу Линцзюня почти ничего не может. Разве что, как и Сян Син, быть рядом. В конце концов, он был всего лишь подвеской

при великом господине.

Цзян «всем сердцем любящий поесть» Тан устроил этот приём пищи как настоящий штурм шведского стола. Блюд было слишком много, поэтому он не мог съесть каждого помногу и лишь понемногу пробовал одно за другим. Всё-таки великий злодей, похоже, заплатил безумные деньги, чтобы скупить вообще всё меню.

Пусть деньги были и не его, но экономный Цзян Тан терпеть не мог пустых трат. Раз уж заплачено, надо хоть отбить часть стоимости. Потому он очень старательно берег место в желудке для тех нескольких блюд из демонических зверей, что ещё должны были приготовить и чьи названия уже заранее звучали вкусно.

Когда хозяин лавки вернулся, неподалёку как раз остановился один из его постоянных посетителей.

Юный культиватор в роскошных одеждах и с аристократической осанкой, увидев белого щенка на столе, который спокойно ест, тут же вытянул лицо. С откровенным отвращением он поднял руку к носу и раздражённо бросил:

— Эй, мальчишка, ты вообще правил не знаешь? Мало того что вывел с собой зверьё, так ещё и на стол его посадил. Ты кого этим оскорбить решил? После вас другим на этом столе как есть?

Эта лавка считалась одной из достопримечательностей области Цянькунь. Хозяин здесь был искусным поваром и не боялся экзотических ингредиентов, а несколько фирменных блюд и вовсе славились на всю округу. Поэтому даже изящные и высокомерные ученики великих сект иногда снисходили до того, чтобы прийти сюда поесть.

Но одно дело — снизойти до уличной лавки.

И совсем другое — есть за одним столом с собакой.

Судя по всему, стоявший перед ними культиватор был весьма высокого происхождения и сейчас чувствовал себя смертельно оскорблённым.

Фу Линцзюнь равнодушно скользнул по нему взглядом. В глубине его глаз на миг мелькнул мрачный холодный блеск. Но этот блеск появился лишь на мгновение. Уже в следующую секунду его внимание вновь ушло к мягкому зверьку, трущемуся о его руку, и он просто опустил глаза, продолжая смотреть, как Цзян Тан ест.

Цзян «за любовь и мир во всём мире» Тан в душе уже сходил с ума от внутреннего потока реплик: перестань, перестань, хватит болтать, ты что, смерти ищешь? Сел бы и ел спокойно, вы же даже не за одним столом сидите.

— Эй! Ты что за отношение показываешь? — культиватор в дорогих одеждах презрительно скользнул взглядом по блюдам на столе и по крошечной белой собачке, а затем уставился на лицо Фу Линцзюня. — Ты что, правда думаешь, будто запрет на частные бои в области Цянькунь помешает мне искалечить тебя? Давай, пойдём наружу и сразимся, если хватит смелости!

Цзян Тан молча перестал есть.

Вот это да. Он и правда продолжает? Если бы этот человек знал, кто перед ним, то, наверное, уже рыдал бы на коленях и звал его батюшкой. Великий злодей и без того вышел наружу с намерением что-то устроить, а тут жертва сама пришла к нему на блюдечке.

Правила духовных областей, запрещающие частные бои и полёты, были в романе «Дао в заточении» описаны ещё тогда, когда главный герой Сун Цзиньяо впервые вошёл в духовную область.

Запрет на драки понять было просто.

Духовная область — место, куда все культиваторы приезжают торговать, отдыхать, жить, заключать сделки. Если бы здесь разрешались личные разборки, в мире, где все привыкли убивать ради сокровищ и признают только силу, каждый день начиналась бы резня.

В конце концов, руки ни у кого здесь не были чистыми. Все так или иначе совершали что-то ради ресурсов. Представить только, что люди встретились на торге и прямо там сцепились насмерть. Полный хаос.

Запрет на полёты для всех, кроме хранителей области, тоже был нужен ради порядка.

Стоит только представить, что в ограниченном пространстве духовной области любой может взмыть в небо. Над городом тут же начнут кружить ряды летающих зверей, артефактов и мечей. Недалеко и до воздушных пробок, столкновений и завалов. А хранителям области потом ещё разбираться со всем этим в воздухе. Сплошная потеря времени.

В некоторых малых духовных областях владыки были недостаточно сильны, и потому любые правила существовали скорее на словах. Но пять областей пяти стихий были другими. Каждая из них возникла в месте сильнейшей духовной жилы своего материка, а их владыки были даосскими святыми с громкими именами. Особенно область Цянькунь.

Когда-то область Цянькунь, упиравшаяся в безбрежные Десять Тысяч Гор Уя, была ничейным городом. В Уя водилось несчётное множество демонических зверей и нечисти. По краям всё ещё было терпимо: там чаще попадались твари низших рангов. Но чем дальше в глубь, тем страшнее становились обитатели. Время от времени Уя приходил в движение, и потому сама область Цянькунь долго оставалась нестабильной. Всё изменилось только после того, как даосский святой Цзян Чаньюань стал её владыкой и подавил сильнейших зверей, вечно

рвавшихся наружу из Десяти Тысяч Гор.

Когда у духовной области такой могущественный хозяин, правила там соблюдают все. А если кто-то их нарушит, хранители области мгновенно появятся, вышвырнут смутьяна прочь и навсегда внесут в чёрный список, запретив ему ещё хоть раз ступить в область Цянькунь.

Цзян Тан уже начал нервничать. Он даже не понимал, продолжать ли ему есть.

Если Фу Линцзюнь разозлится и просто убьёт этого человека, их замаскированные личности сразу раскроются, а Цзян Чаньюань, скорее всего, очень быстро узнает, где они.

Да, Цзян Тан даже не допускал мысли, что великий злодей может стерпеть такое.

Разве это возможно?

Этот человек, если не был мёртв, всегда только и думал, как бы устроить неприятности. Слова «терпеть» в его словаре просто не существовало.

Но на этот раз Цзян Тан просчитался.

— Несу, несу! — в самый напряжённый момент вернулся радушный хозяин лавки с целой кучей странных ингредиентов за спиной.

Он узнал постоянного посетителя и с улыбкой сказал:

— Даосский друг Цуй из секты Фэнъинь, верно? Что желаете сегодня? Подождите немного, сейчас и вам всё подадим.

Торговец принялся вытаскивать из большого мешка всё, что только что срочно раздобыл. Издалека это походило на каких-то кроликов и змей, только у змей была пара ледяных голубых крыльев, а кролики были целиком серебристо-белыми. С первого взгляда было ясно: это не обычные кролики и не обычные змеи.

Но культиватор по фамилии Цуй явно не собирался проявлять великодушие.

— Что это за безобразие у вас здесь? Человек может есть за одним столом с животным?

Торговец, не желая никого обидеть и не забывая, чьи деньги у него теперь в рукаве, тут же поспешил сгладить ситуацию:

— Да вам и не нужно за один стол садиться, вы можете занять другой. Как только они уйдут, я

сразу всё замену и стол сменю. В следующий раз, когда вы придёте, это никак вам не помешает.

Едва он договорил, как культиватор Цуй почему-то вдруг начал подниматься в воздух. Причём самым нелепым образом: вниз головой, вверх ногами, ещё и беспомощно дрыгая ногами. Выглядело это донельзя смешно. Сам Цуй тоже явно не ожидал, что взлетит, и в панике забарахтался:

— А-а!

Окружающие культиваторы окончательно обалдели.

В области Цянькунь летать запрещено. Пусть этот человек и был учеником секты Фэнъинь, но так нагло нарушать правила области было уже чересчур. А уж летать при этом настолько уродливо — вообще не поддавалось пониманию.

Хранители области прибыли очень быстро. Глядя на культиватора Цуя, который устраивал на публике столь низкопробное представление, нарушая запрет на полёты, они хотели только одного: вышвырнуть его вон и сразу же занести в чёрный список.

— Это не я! Я не могу собой управлять! А-а! Это он! Наверняка он! — Цуй яростно уставился на Фу Линцзюня. — Это он тайком мной управляет, не я! Я ничего не делал! Господа хранители, посмотрите, на мне нет никаких артефактов. Как я вообще могу летать? По воздуху могут идти только на ступени святого!

В его оправдании была своя логика, и хранители области не были людьми, которые хватали первого попавшегося. Один из них тут же опустил перед Фу Линцзюнем и серьёзно спросил:

— Маленький друг, не могли бы вы показать мне обе руки?

Человек по фамилии Цуй всё ещё висел в воздухе. Если его кто-то намеренно подставил, то у этого кого-то должен быть какой-то особый артефакт. Иначе заставить другого парить в воздухе можно было бы только будучи на ступени святого. А всех святых в пределах Люхэ хранители давно знали в лицо.

Фу Линцзюнь с тем же своим непримечательным лицом бесстрастно развёл пустые руки в стороны. Вид у него при этом был почти невинный.

— Прошу прощения, — после проверки хранитель тут же схватил культиватора Цуя, нарушившего запрет на полёты, стащил его вниз и, не слушая ругани и оправданий, вывернул ему руки и вышвырнул прочь из области Цянькунь.

Этот фарс затих так же быстро, как и начался.

Торговец, дрожа всем телом, проводил взглядом хранителей, вытер пот и снова принялся за готовку.

Столько денег он ещё никогда не получал, так что должен был постараться изо всех сил. Тем более что он прекрасно видел, как неприметный на вид молодой человек одним только взглядом заставил даосского друга Цюя взлететь в воздух. А если добавить к этому его пугающе щедрые траты, опытный торговец мгновенно понял: перед ним человек, которого он никак не может позволить себе оскорбить. Потому он собрал всё своё внимание и решил обслужить любимца столь важной особы самым лучшим образом.

Блюда одно за другим ставились на стол. Аппетит у Цзян Тана был небольшим, так что он мог позволить себе только по кусочку от каждого. Блюдо, которое подали последним, было приготовлено из какого-то неизвестного мяса. Плотное, сочное, без особых приправ, но один укус — и от свежести вкуса можно было язык проглотить. Цзян Тан тихонько заскулил и захотел ещё.

— Нельзя, — Фу Линцзюнь ткнул белого щенка пальцем в лоб. — Ты ещё не всё попробовал.

— Ыу-у-у! — Тогда заверни с собой! С собой!

Но, похоже, великий господин ещё не дошёл до такого экологичного понятия, как еда навынос. Он проследил, чтобы Цзян Тан аккуратно попробовал все блюда, ни больше ни меньше, а затем просто сунул его за пазуху и ушёл.

Цзян «экономный хозяин дома» Тан, глядя на почти нетронутый стол, едва не расплакался.

Казалось, на этот раз Фу Линцзюнь вышел наружу не просто так. Но Цзян Тан, который прочитал всего лишь чуть больше пятидесяти глав оригинала, знал только линию возвышения главного героя Сун Цзиньяо и совершенно не понимал, что именно делает Фу Линцзюнь. Поэтому ему оставалось лишь болтаться на нём, как подвеске, и, свернувшись у него на руках, следовать за ним повсюду.

Они прошли через оживлённую длинную улицу области Цянькунь, и Фу Линцзюнь вместе с Сян Сином остановился перед двухэтажной чайной.

Стоило им войти, как со всех сторон обрушился шум: разговоры, чавканье, выкрики служек, шаги, а ещё тяжёлый хлопок деревянного бруска, которым ударили по столу рассказчика.

— Свежайшие вести! Префектура Цзэян залита кровью. Из всех уцелели только молодой господин Сун и глава Зала Сохранённых Духовных Печатей Сун Янь...

— Господин Суй, да это уже старые новости! Мы и так всё это слышали!

— Верно! Такое большое дело все давно знают. Есть у вас что-нибудь поновее?

— Этот Фу Шэн из Гуанлина всё равно был запечатан на Центральном континенте. Кроме старых счётов с Цзэяном, до нас ему дела нет. Сколько можно слушать про то, как он творил зло? Давайте что-нибудь поострее!

На вид бессмертно-благородный господин Сюй погладил длинную бороду, явно испытывая затруднение, затем вздохнул и сказал:

— А знаете ли вы, что Фу Шэн уже вырвался из печати и сбежал?

— Что?!

— Когда это случилось?

— Он что, опять пойдёт убивать?

— И куда он теперь направится? Ох, что-то мне уже страшно.

Цзян Тан, устроившийся на руках у Фу Линцзюня, посмотрел на молодого культиватора, сидевшего в двух шагах впереди и уверявшего всех, что ему страшно.

Страшно?

Что-то не похоже.

Да у него смелости хоть отбавляй, раз он ещё и плохое о Фу Линцзюне говорит прямо у него перед носом.

<http://bllate.org/book/17032/1603443>